

РАССКАЗЫ

КАК МЫ ПОССОРИЛИСЬ НАВСЕГДА

Под конец первой четверти Надежда Петровна, наша классная руководительница, которая и в этом году за лето ничуть внешне не изменилась, решила все же всех удивить. И дала классу задание по «Истории города» для выполнения в парах. Мы с Катюшкой, конечно, тут же объединились. Учительница еще не закончила объяснения, как подруга выселила Ваню Мельникова, моего соседа по парте, и устроилась на его месте. Он не сопротивлялся и пересел к Кошею, с которым они, будучи самыми высокими в классе, друг друга дополняли. Ваня — пухлый блондин, занимающийся тяжелой атлетикой, а Коля Кошей — тщедушный, под глазами синева отеков и волосы темные. Мальчики дружили с дошкольного возраста, потому что их увлечения и характеры совпадали.

Мы с подругой были в восторге от предстоящего задания. Обеим нравилось проводить время вместе, в основном это происходило на переменах. Вне школы видеться удавалось редко. Когда ни одна из нас не участвовала в активных играх с одноклассниками, мы могли заняться обсуждением кружков и секций, куда ходили почти все дети, или списыванием уроков друг у друга. А если утром оказывалось, что мамы заплели нас по-разному, то мы с радостью переделывали прически, чтобы у каждой на голове красовались две косички. Мои чуть темнее и тоньше, зато длиннее на пару сантиметров. Нам казалось, что с одинаково заплетенными волосами мы особенно похожи. Еще Катюшка любила рассказывать истории, чаще всего про своего папу, который жил в другом городе и поэтому почти не навещал дочь. Мне всегда было интересно слушать.

Решив быть организованными, мы сразу договорились, что разобьем задание поровну. Каждой достанется одинаковый объем работы. Картинки и распечатки сделаем вместе. И мы непременно проведем за подготовкой по два дня у каждой дома. А потом решим, кто про что будет рассказывать, и обязательно отрепетируем.

Однако первая ссора случилась тут же в классе. Подруга хотела писать доклад про Ростральные колонны, а мне в голову пришло, что нужно выбрать какое-нибудь роскошное здание на Каменноостровском проспекте. Мы начали спорить. Сперва шепотом, но поддавшись эмоциям, заговорили в голос.

Ариадна Эйзенхарт — прозаик, родилась в 1993 году в Санкт-Петербурге. Окончила СПбГУПТД, специальность «Реклама и связи с общественностью». Живет в деревне в Волгоградской области. Финалистка нескольких международных литературных конкурсов, лауреат конкурса «Хрустальный родник» (2021). Публиковалась в альманахе «Славянское слово» (2019), газете «На островах и рядом» (2019), журналах «Север» (2021), «Нева» (2021).

Подросла Надежда Петровна и пристально с прищуром нас оглядела, явно собираясь отчитать.

— Если бы вы внимательно слушали, то могли узнать, что доклады будут об известных петербуржцах.

Мы виновато переглянулись. В большей степени не из-за упущенной информации, а потому, что чуть было не поругались зря.

Учительский голос, доносившийся из сухих коричневых губ, объявил:

— Уже почти всех разобрали. Выбирайте: Бенуа Леонтий Николаевич — придворный архитектор, или Куинджи Архип Иванович — художник-маринист?

Не задумываясь, мы хором дали разные ответы:

— Куинджи! — заголосила я.

— Бенуа! — так же громко заявила Катюшка.

Нахмурившись, две девочки, готовые отстаивать собственный выбор, грозно посмотрели друг другу в глаза. Сожаления, что еще минуту назад пронизывало взгляды, и след простыл.

— Римский-Корсаков, — сухо подытожила классная руководительница и положила перед нами бумажку с именем композитора, прекратив тем самым наши споры.

Но и дальше взаимодействовать оказалось непросто. То мы не могли решить, кому читать про детство знаменитого петербуржца, а кому про старость. То было не определиться, где сядем с книжками после уроков — дома у меня или Катюшки или останемся на продленке. Мнения расходились во всем. И мы даже впервые за второй год дружбы подрались. Конечно, не так, как мальчишки, но толкаясь и крича.

Шел третий день работы над докладом, а обстановка между двумя подругами все больше накалялась. Наконец-то мы совпали, обе обязательно хотели рассказывать про одни и те же моменты в биографии Римского-Корсакова. И никак не могли поделить эти страницы между собой. Каждой хотелось поведать классу о «Могучей кучке» и первых годах жизни композитора в Петербурге.

— Почему ты не хочешь рассказать о «Шехерезаде» и «Снегурочке»? — настойчиво повторяла Катюшка.

— А ты почему?! — протестовала я.

И так продолжалось до бесконечности, хотя сам доклад все еще не был закончен. С тем, как завершить работу и кому какую часть полагается для этого изучить, тоже возникли разногласия. Мы совершенно перестали друг друга слышать, следуя лишь собственным желаниям. На уступки идти никто не хотел, что привело уже ко второй драке, из-за которой мы чуть не упали со школьной лестницы.

Испугавшись, обе замолчали и машинально обнялись. А потом, как по команде, оттолкнулись друг от друга и прошипели:

— Могла бы и уступить.

И еще более злобным и ехидным тоном добавили:

— Еще подруга называется!

Чтобы сильнее задеть Кати, я топнула ногой и сказала:

— Ты никакая не француженка, а просто Катюка! Никогда больше не буду с тобой сидеть за одной партой и вместе готовить домашние задания.

— Я с тобой тоже доклад делать не желаю, Комптова! — закончила перепалку подруга, задрав голову с и без того вздернутым носом кверху, чтобы казаться выше.

Мы разошлись. И до вечера я проплакала, лежа лицом в подушку. Не отвлекаясь на мультики и уговоры старшей сестры замолчать и заняться чем-нибудь более полезным. А за ужином, не забыв выделить ударением последнюю букву в имени почти бывшей подруги, я объявила новость родителям:

- Мы с Кати поссорились навсегда!
- Это с Катюшкой, что ли? Можешь не переживать, Марина, вы обязательно помиритесь, — сказала мама, отнесясь к заявлению несерьезно.
- Вытри слезы, ужин с соплями есть невкусно, — попытался пошутить папа и потрепал меня по голове.
- Нет! — запротестовала я. — В этот раз все по-другому! Мы никогда больше не заговорим.

И в слезах и красках я поведала семье обо всем нашем противостоянии из-за доклада по «Истории города». Как мы не могли сойтись во мнениях, а потом сгоряча говорили гадостей. Обе обиделись и навсегда разорвали дружбу.

— Вот увидишь, — спокойно сказал папа, расстегнув верхнюю пуговицу на своей привычной клетчатой рубашке и шмыгнув носом, — вы остынете, и все наладится. Ссоры случаются и проходят, а друзья остаются.

— И стоило так рыдать... Могла бы спросить у меня! — с обидой сказала Полина, которая к восьмому классу уже много раз ссорилась и мирилась со школьной подружкой Ниной.

Неделю мы с Кати переживали и дулись, не решаясь заговорить и согласиться на перемирие. Каждая в одиночку подошла к Надежде Петровне, чтобы попросить представить доклад самостоятельно. Та понимающе опустила оранжево-коричневую голову, с грустью оглянула несработавшихся напарниц и устало согласилась. И до самых каникул обе бывшие ЛПН (лучшие подруги навсегда) старались завести более глубокое общение с кем-нибудь из одноклассников и ни за что не смотреть друг на друга. Однако так же весело ни с кем почему-то не было. К тому же большинство ребят уже имели близких приятелей, с которыми игры и разговоры казались более интересными, чем с остальными.

А после недельных каникул и разлуки без единого звонка все произошло именно так, как предсказывали родители и сестра. Мы с Катюшкой успели сильно соскучиться по нашей дружбе. И серьезная размолвка «навсегда» попросту испарилась.

— Давай больше никогда ссориться не будем! — предложила Катюшка, прежде чем сестра забрала меня с продленки.

— Давай, — обрадовалась я, искренне веря в то, что это обязательно получится.

Ссоры и недопонимания в нашей дружбе еще возникали. И каждый раз мы мирились, просили прощения, признавали ошибки, давали обещания и снова ходили, держась за руки. А вот «навсегда» больше никогда не ругались.

СТРИЖКА

На весенних каникулах случилось страшное. Началась эта история очень даже хорошо. Бабушка Настя с дедой Гришей, которых мы называли просто — ба и деда, повели нас с сестрой в зоопарк. Зимой ей исполнилось пятнадцать, и я начала ощущать первые признаки отдаления Полины от меня и детства. Она носила свое обычное каре с яркими заколками, надевала школьную форму чаще джинсов, смотрела со мной после школы мультфильмы. Но разговоры с подружкой по телефону изменились: сестра пряталась даже от меня и шептала в трубку. Она чаще рассматривала себя в зеркале и спокойно давала мне игрушки, к которым сама не притрагивалась уже довольно давно. Вот и зоопарк ее не сильно обрадовал. А кататься на лошади она и вовсе отказалась, хотя очень любила этих животных. Меня же посадили на пони и выдали шлем.

Пони был маленький и толстый. Казалось, что мои ноги вот-вот коснутся земли. Мощное седло смотрелось на спине маленькой лошадки нелепо, и сидеть в нем оказалось неудобно. Чтобы только не сделать животному больно, я не притрагивалась к поводьям и расслабила ноги, стараясь быть внимательной и ни в коем случае не задеть пони пятками. Я все время волновалась, что Бенни тяжело подо мной, и за один маленький круг, который мы проехали по парковым дорожкам, трижды уточнила у инструктора, какую нагрузку может выдержать новый друг. Из-за всех этих переживаний от катания осталось странное впечатление.

Бенни был милый, мягкий, с красивым хвостом и пятнами, пушистой шерстью и умел аккуратно взять морковку из рук. Все было хорошо в проведенном с ним месте времени. Но внутри у меня остались неприятные горькие чувства, которые погрузили в душу знание: Бенни на самом деле несчастен и одинок, хотя каждый день катает кругами детей в парке. Сложно оказалось понять и объяснить, отчего появились такие мысли, тем более если тебе еще и одиннадцати не исполнилось. Я с грустью взглянула на Полину, ба и деду и вскоре отвлеклась и совсем забыла о былой печали, получив огромную сахарную вату на палочке.

Страшное начало происходит на следующий день. А узнала я об этом вечером. Мы с сестрой были дома, и каждая занималась своими делами. Мне на окончание четверти подарили книгу с наклейками и рассказами о диких животных, и я увлеклась рассматриванием ее страниц. Отвлекал от этого только неустанный зуд — все время хотелось почесать голову. Полина писала что-то в дневнике и болтала по телефону. Ее не отвлекали даже мои возмущения и нытье. Вечером же обеспокоенная мама расчесала нам волосы особой расческой и сообщила, что у обеих вши.

Я не слышала о них раньше. И мама показала насекомых на гребешке, которым нас расчесывала, объяснив, что именно из-за этого чешется моя голова. Между зубьев были махонькие белые яйца. Папа принес воду с уксусом и сказал, что это гниды, сейчас он нам их вычешет и можно не переживать. Пока родители трудились над нашими волосами, папа рассказал, что вши — болезнь под названием «педикулез». Заразиться может любой ребенок или взрослый. Главное, чтобы этого не случилось, хорошо соблюдать правила гигиены: регулярно мыться, пользоваться только своей расческой, не надевать чужие шапки и не делиться личным головным убором. Если все же заболеешь, то не паниковать, а лечиться.

Ближе к ночи, когда и Полина начала чесаться, несмотря на тщательное вычесывание наших голов, родители посоветовались и сообщили нам, что завтра же всей семьей необходимо отправиться в особую больницу, где занимаются такими болезнями. Когда мы вошли в помещение с высокими потолками и кафелем на полу и стенах, там пахло хлоркой так сильно, что жгло нос. Врач там был только один — строгая женщина необъятных размеров в синих брюках и белом халате, который сливался со стенами. Она велела нам всем раздеться до трусов, даже родителям, у которых вшей не было. Потом по очереди обработала нам головы чем-то вонючим и усадила с пеленками на волосах. Раствор врач наносила грубо, я еле удерживалась на ногах, до того она давила. Но надо было терпеть. Я чувствовала себя виноватой, потому что надела чужой шлем в парке. И хоть папа и объяснил, что заболеть может совершенно любой человек и я не виновата, все равно это на меня не подействовало.

В эти каникулы нас лишили общения с друзьями, чтобы мы их не заразили. И на оставшиеся выходные вся семья отправилась на дачу, где и произошло самое страшное в этой истории. По совету врача мама отвела меня в парикмахерскую, и мне обрели волосы — единственной из всей семьи. Сделали каре, почти как у Полины, только короче на несколько сантиметров. И если сестре нравилась стрижка и очень была

ей к лицу, то мне отражение в зеркале показалось чужим и несимпатичным. Я переживала и часто плакала. Родители убеждали меня, что я красавица, а волосы отрастут и главное совсем не в прическе, а в моем добром сердце. Но тогда я была уверена, что будь у меня прежние, пусть и жидкие волосы, все было бы иначе.

— Нет худа без добра! — продолжал повторять папа. — Зато теперь голова не чешется. А волосы отрастут и станут лучше прежнего. Ты еще на прошлой неделе переживала, что косичка тоненькая. Теперь вырастет, как канат.

Наступил понедельник. От страха показаться перед классом в таком виде у меня заболел живот. Полина обещала проводить меня до этажа, где находился кабинет моего класса. Но дальше сопровождать уже не могла и сказала, что я делаю из мухи слона. На что я возразила: «Для тебя муха. А для меня слон. Поэтому ты меня не понимаешь».

— Я позвоню Надежде Петровне, — сказала мама.

— Лучше не надо, — удрученно ответила я.

— Думаешь, Гермиона бы так расстраивалась из-за обрезанных волос? — встала Полина. — Конечно, нет! Потому что ее ценность не в них, не вокруг каких-то волос крутится ее жизнь.

Я возразила:

— Но она просто наколдовала бы новые.

— Не в этом дело, курья башка! — рассердилась сестра.

Слово Полина сдержала, по лестнице поднимались вместе. Потом я осталась совсем одна. Школьный коридор показался невероятно длинным и холодным. И я боялась каждого детского крика. Все ждала, что надо мной будут потешаться. Иногда даже чудилось, что смеются. Тогда я оборачивалась, и оказывалось, что дети говорят о своем и дела им нет до моих некрасивых волос.

— Мариночка? — прозвучал голос классного руководителя. — Я тебя не сразу узнала с новой стрижкой. Тебе очень идет!

— Спасибо, Надежда Петровна, — ответила я, отчего-то не поверив.

Учительница похлопала меня по плечу и заспешила вперед в своем неизменном брючном костюме:

— Резвее! Пойдем в класс, скоро звонок.

Я замедлилась. Надежда Петровна обернулась ко мне и вопросительно взглянула:

— Что-то не так?

— Мне стрижка моя не нравится, — призналась я. — Не хочу заходить к ребятам.

Лицо классной руководительницы стало более серьезным. С него исчезла дежурная улыбка.

— Марина, если бы все зависело от прически, жизнь показалась бы нам простой и скучной. Есть более значимые вещи. Не получится все на свете решить при помощи прически. Знаешь, как я поступаю, если случается какая-нибудь неприятность?

— Как?

— Нахожу три плюса, не меньше!

— Как это?

Надежда Петровна вновь заулыбалась и подмигнула мне.

— Тебе не нравится эта стрижка. Правильно?

— Так и есть!

— Какие плюсы можно в ней отметить? — спросила учительница.

— Никаких, — расстроено ответила я.

— А ты подумай. Во-первых, когда мы стрижем волосы, то они становятся сильнее и гуще. Это хорошо?

Я подтвердила:

— Хорошо.

— Во-вторых, каре в моде. Сейчас многие выбирают именно такую прическу.

— Правда?

— Стала бы я врать! Я ведь учительница... Так модная стрижка — хорошо?

— Думаю, да, — улыбнулась я, поняв, почему у Надежды Петровны такие короткие волосы.

Внезапно для меня, точно по расписанию прозвенел звонок.

— Скорее в кабинет, — сказала модная классная руководительница.

Я снова занервничала.

— А третий плюс?

— Его ты мне сама скажешь после классного часа! Это твое задание.

И вот я зашла в наполненный детскими криками кабинет уже не с мыслями о реакции одноклассников на мою стрижку, а пытаюсь найти плюс в обрезанных волосах. И не просто что-то хорошее, а интересное, чтобы Надежда Петровна оценила. Расписание уроков и прочие новости, касающиеся четвертой четверти, я пропустила мимо ушей. Записки подруги Кати, которые она передала через две парты, даже не развернула.

— Ты подстриглась? — спросил Ваня Мельников, сидевший по правую руку от меня.

— Да, — твердо сказала я. — Так сейчас модно.

— Непривычно, — подытожил сосед по парте.

— Ты прав, — ответила я и улыбнулась, потому что Ваня подсказал третий плюс новой стрижки.

— Нечаева, после классного часа подойди ко мне, пожалуйста, — напомнила учительница, как только прозвенел звонок на перемену.

Классная руководительница пожелала нам удачи в последней четверти и напомнила, как важно постараться и выправить оценки. На этом беседа закончилась. Все побежали в коридор, а я подошла к учительскому столу.

— Ну что, Марина, ты справилась с заданием?

— Думаю, это хорошо, что я попробовала что-то новое. Я никогда раньше не носила такую стрижку.

— Действительно. — Она кивнула. — Молодец! Надеюсь, что ты запомнишь этот метод и всегда будешь стараться найти хотя бы три плюса в любой ситуации.

И я запомнила. Несмотря на то, что классная руководительница преподавала нам в начальной школе математику, русский язык, литературу и даже природоведение, именно этот урок сохранился в памяти полноценно. Совет Надежды Петровны я продолжала применять и дальше. Это давалось нелегко и даже не каждый раз получалось, но стараться я не переставала.

ЧЕРНОПЛОДНАЯ ВОЙНА

Лето подходило к концу. Наступала пора всем дачным ребятам прощаться до следующих каникул. Через год каждый будет уже почти незнакомцем, и мы заново начнем узнавать друг друга. Поэтому вся неделя до окончания августа называлась «королевской» и насыщалась всевозможными развлечениями. В последний раз за текущий год сплоченные дачей разношерстные ребята плавали на лодке по озеру, собирали камыши, открывали костюмированную ярмарку, пулялись из самодельных водяных пистолетов, рыбачили смастеренными в июне удочками в пожарном пруду, ездили на велосипедах в бор и на карьер под соседним поселком, ходили в лес вместе

с родителями, устраивали пикники в недостроенном заброшенном доме, проводили утренние часы на конюшне и рассказывали страшные истории в бетонном колесе у замка балерины. Эти пять незабываемых дней августа мы с сестрой жили на даче только с родителями, без бабушек с дедушками, от которых уже начали уставать.

Наступил понедельник. Последний в августе и всем лете и самый первый для меня как пятиклассницы. Уже в субботу начнется сентябрь, и я официально пойду в среднюю школу. Эти мысли не дали заспать. И я проснулась пораньше, поспешив расталкивать старшую сестру, которая безмятежно сопела, лежа на животе и спрятав обе руки под пышную подушку. Полина мерно пускала слюни из приоткрытого в полуулыбке рта, когда я начала щекотать ее за ноги. Резко пробудившись и сориентировавшись, где находится и что происходит, она закричала.

— Сейчас пяткой в нос дам, малявка!

Пропуская эти слова мимо ушей, я вскочила и, размахивая руками, принялась прыгать на диване и смеяться от радости.

— Королевская неделя объявляется открытой!

После этих слов Полина тут же позабыла, как все лето отращивала свое каре и неустанно твердила, что больше со мной время проводить не собирается, ведь она старшеклассница, а я мелочь пузатая. Теперь же, практически на равных, две сестры отправились к Сказочнице, так прозвали Машу с Четвертой улицы. В свои двенадцать она не переставала верить в волшебство и все время сочиняла истории, где очеловечивала животных и деревья. При этом именно она казалась мне ближе остальных дачных подруг, и мы даже вместе обрезали себе челки. Полина же соблюдала нейтралитет. Из ее сверстников в поселке были Кира с Аленой. И если прошлым летом мы проводили с девочками много времени и Полина одалживала у Киры тени для век и блеск для губ с бананом, то теперь виделись редко, настолько не совпадали наши интересы. Еще, конечно, был Саша, но он чаще гулял в мальчишеской компании, где играли в футбол.

Пока мы с Машей выбирали, с чего же начать эту незабываемую неделю, Поля вспомнила про свою шестнадцатилетнюю великовозрастность и всячески показывала, что она здесь только за компанию и подобная ерунда ей неинтересна.

Решение принято не было, а к нам уже подтянулась Даша в сопровождении бабушки. Поначалу это всех насторожило. Но оказалось, что Татьяна Васильевна тоже пришла провести время со своей подругой — Тамарой Ренатовной (бабушкой Маши). Обе они уже были старые, но все еще имели массу увлечений — готовку и огородничество. И все это для любимых детей и внуков.

Даша за лето очень вытянулась и теперь не была самой низкой в компании, перегнав по росту Андрея Шимпанзе и сравнявшись со мной, чему, будучи на два года старше, чрезвычайно радовалась. И к августу так осмелела, что стала при каждом удобном случае заводить с Полиной разговоры. Постоянно при этом отмечая, что все, кто ее младше, совсем еще несмышлениши. Однако отвертеться от прозвища Ультразвук она так и не смогла.

Итак, мы вчетвером решили девчачьей компанией отправиться на пикник. Но не в заброшенное недостроенное здание на Четвертой улице, а на какую-нибудь симпатичную поляну, возможно, у реки. Корзинку и все необходимое решили для экономии времени взять у Сказочницы дома. Тамара Ренатовна отлично и шустро готовила, хотя и была такой же мечтательницей, как ее внучка. Но достаточно романтического плета, который требовался для идеального завтрака на природе, у Маши не оказалось. Поэтому, уже полностью готовые к прогулке, мы отправились к нам домой, попросить у мамы недостающую деталь.

— Эй, Полтос! — слышались мальчишеские голоса из-за спины (обращались к моей сестре).

Не успели мы обернуться, каждой в затылок врезалось что-то маленькое, как пластиковая пулька, но не такое твердое, а по ощущениям — совершенно безболезненное. Шимпанзе и Дылда с лиловыми лицами и руками хохотали, показывая на нас окрашенными пальцами. Первый приложил к своему обезьяньему рту ладонь. А потом резко побежал в нашу сторону, дробью окатив содержимым набитых щек четверых девчонок.

Дылда последовал примеру, но сперва выкрикнул:

— Черноплодная война! В ата-а-ку-у-у!

Прежде чем кто-то из нас понял, что нас атаковали рябиной, мы все приобрели своеобразный окрас. А потом, смеясь и крича, как нам это не нравится, кинулись домой, чтобы спастись. Или же составить план военных действий. Раньше мы с девочками использовали эти ягоды, чтобы обвести губы красно-фиолетовым, незаметно срывая их по одной. Теперь же их назначение приобрело совершенно другой уровень.

Девизом нашего противостояния стала фраза: «Берегитесь, соседские кусты!» Конечно же, не желая схлопотать подзатыльник, мы предварительно уточнили: «Вам же не нужна черноплодка?» Вопрос был адресован дедушке Мише, чьими кустами мы с лихвой воспользовались в последнюю неделю лета.

Дедушка Миша жил неподалеку. Приезжал через выходные вместе с пожилой супругой на тархтящей бежевой «копейке», и оба дня они проводили в доме практически безвылазно. Описать супружескую пару можно было одним словом — интеллигенты. Уж очень опрятно они выглядели и следили за манерами. Дедушка Миша адвокат, его жена домохозяйка. Оба старые, горбатые, но приветливые. Ни детей, ни внуков. И целых пять высоких кустов черноплодной рябины, которые ежегодно плодоносили и кренились в сторону дороги, а этим летом наконец обрели смысл своего существования.

В черноплодной войне каждый оказался сам за себя. Поначалу я была в полной уверенности, что играют девчонки против мальчишек. Но как только мы подошли к заветным кустам, чтобы нарвать как можно больше ягод, оказалось, что не все с этим согласны. Пока мы со Сказочницей набирали горсти побольше и запихивали их за щеки, сестра плюнула нам в спины пережеванными ягодами, назвав при этом дурындами.

Не успев разобраться с запасными снарядами, которые договорились сложить в подвернутые на животах футболки, обе разукрашенные девчонки понеслись вслед за убегающей Полиной, с силой выстреливая изо рта вкусными мясистыми пулями. Мы так увлеклись погоней и попутным поеданием ягод, что не заметили, как нас окружили.

Машка резко развернулась:

— Ничего личного, Маринка!

Не дожидаясь нападения врага, она выплюнула всю черноплодку на меня, свою союзницу. А после закричала:

— Вали мелкотню!

Оказаться под ударом со всех сторон было несправедливо и обидно. Всем же остальным — весело. И они одним залпом окатили меня градом из слегка пожеванных ягод. Выплеснув на меня все, что им удалось запасти, ребята побежали обрывать кусты дедушки Миши. А я уже собралась громко расплакаться и убежать домой, но Полина, повинуясь сестринскому инстинкту, задержалась и протянула мне горсть рябины.

— На, возьми. Чего кислая такая? — спросила Полина. — Это же игра. Давай теперь с тобой вместе Сказочнице мстить будем!

Лицо сестры было серьезным, я поняла это даже через линзы наполнивших глаза слез, которые тут же стала вытирать грязными руками.

— В атаку! Ну, Сказочница! Ну, погоди!

И с понедельника по пятницу губы, языки, ладони и одежда каждого ребенка были густо окрашены яркими фиолетовыми кляксами. Игра насытила нас истинной летней радостью, наполнив округу восторженными визгами и азартом. Конечно, помимо веселья, в компании появилось несколько ободранных коленок, включая мою, разбитую в погоне за Машкой, и Даши Ультразвука, когда она спасалась бегством от мальчиков и не рассчитала сил, прыгая через чей-то забор.

Вот так — весело и беззаботно — и закончилось мое первое лето в качестве ученицы средней школы.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Посреди учебного года противостояние с мальчишками усилилось. Дима Козов с неприятной ухмылкой и соплями, вечно размазанными по правой щеке, и бунтарь нашего 5 «Б» Сережа Перелома вдруг сдружились. Но простого общения и приколов им было мало. Их сотрудничество могло быть только против кого-то. Поэтому они задирали почти всех девочек в нашем и даже параллельном классе, а потом к ним же подходили и предлагали поиграть в стеночки или «тик-так, тик-так, кто собьется — тот дурак». Некоторые соглашались, потому как считали коротконового Перелому первым школьным красавцем, и этого не могли понять только мы с Кати (с ударением на «и»). Уже второй год мы были почти одного роста и каждая с двумя косичками до плеч. Их мы заплетали друг другу сами, чтобы быть похожими.

— Эй, француженки! — крикнул Дима Козов, и его пухлые губы расплылись в улыбке, а глаза ядовито уставились нам в спины.

— Не оборачиваемся, — серьезно сказала Кати, решившая называться «на французский манер» еще в начальной школе.

— А че это мы не во Фра-а-нции? — на весь коридор гортанно спросил мальчишка. — Имена-то переименовали, а вот с фамилиями загвоздка!

Катюшка, так я продолжала звать ее, когда рассказывала о школе дома, вся вспыхнула. Ее очень задевали подобные шутки. Мальчишки же, вновь объединившись, не унимались.

— Компотова! Сорнякова! Оглохли? — окликнул нас Сережа, хотя моя фамилия Нечаева, а у Кати — Сырникова.

Главная француженка обернулась:

— Уи? — спросила она.

На лицах мальчиков появилось удивление.

— Спик паля франсэ, — продолжила подруга, нарочно не выговаривая «р».

— Иа сестга Кати... Эм-м-м — Моник! — сказала она, старательно игнорируя букву «р» и произнесла первое пришедшее на ум имя.

— Да ты гонишь! Утром Катькой была! — огрызнулся Сережа, но все же смотрел с сомнением.

— Уи? Спик франсэ!

— Да че за фигня! — возмутился Дима Козов.

— Они близнецы, — пояснила я, поддержав подругу и стараясь выглядеть серьезной, но с трудом подавляя эмоции.

— Уи, уи, силь ту плэ, — подтвердила Моник, которая больше по-французски ничего и не знала.

— Реально француженка, что ли? — повелся низкорослый Перелома.

— Уи! — Катюшка развела руками и весело улыбнулась.
 — И по-русски ни-ни? — ухмыляясь, уточнил Козов, уже придумывая, как подшутить над новенькой и поставить ее в неловкое положение.

— Чу-чут, — ответила сестра-близнец.

— А Катька где?

— Заболела! — внедрилась я.

— Ну, не зна-а-ю, — затынул Димка.

— Для начала — я знаю, — заявила я как ближайшая подруга близнецов. — Во-первых, посмотрите, она говорит по-французски и едва ли понимает по-русски. Во-вторых, Кати живет в России с мамой, а Моник во Франции с отцом. В-третьих, поглядите, они совсем разные! У Моник рот шире и губы пухлее. Глаза светлее. И вот еще родинка на шее! У Кати такой нет...

Довольная своими доводами, я улыбнулась и приподняла брови. Мальчики разглядывали сестру Катьки Сырниковой прямоком из Франции. А мы победоносно переглянулись, уже думая, что дело в шляпе. Но тут на наши плечи легли руки классной руководительницы — Инги Филимоновны.

— А к нам сестра Кати приехала, представляет! — с наивным восхищением сказал Димка, выделив «и» в имени одноклассницы.

— Да вы что! — надменно и театрално удивилась учительница, понимавшая, что все это выдумки.

— Нечаева, тебе следует попробовать вступить в школьную команду по дебатам. А Сырниковой дорога в театральную студию. В нашей школе такая есть, — заключила Инга Филимоновна и, усмехаясь, пошла в класс.

— Вы че! Все нагнали, что ли?! — выкрикнул возмущенный своей доверчивостью Перелом.

— Уи! — победоносно взвизгнула Кати и сделала книксен.

Мы захихикали и убежали, пока нам не досталось.

С досады мальчишки только закричали нам вслед:

— Компотова! Сорнякова! Держитесь!

Так я и попала в школьную команду по дебатам, с чем дружелюбно, но будто нехотя, отрывая от сердца, помогла Инга Филимоновна. В команде уже числилось много учеников, но на турнирах выступали от двух до шести участников. В основном там были старшекласники, но в один день со мной, туда вступила Наташа Лиман из параллельного класса, которую также, почти за руку, привела учительница. У девочки были плотная длинная черная коса и слегка кустистые брови. Она носила белую блузку с бантом на шее и свободно сидящие брюки.

Будучи сверстницами, мы стали общаться. Наташа мне очень понравилась. Раньше я видела ее лишь мельком — на школьных мероприятиях. А теперь эта девчонка с длинным носом и косой из «А» стала моей приятельницей. Мы здоровались, встречаясь на переменах, и вместе отправлялись на «тренировочные дебаты», проходившие раз в неделю после уроков в актовом зале. Там, если не входили в тренировочный турнир, сидели рядом и тихо перешептывались.

— Ты веришь в Бога? — спросила Наташа.

Лицо ее было серьезным. И я задумалась. А подруга задала наводящий вопрос.

— Вы в церковь ходите?

— Да! — оживилась я. — На Пасху всегда с куличами и яйцами. Всей семьей! И монахиням оставляем со священником — они с корзиной всегда проходят. И святой водой брызгают.

Взгляд Наташи немного потускнел:

— А по воскресеньям? А молитвы читаете?

— Нет, — растерянно и смущенно ответила я.

Наташа из «А» класса с грустью взглянула в мою сторону. Мы немного помолчали. Потом я будто и забыла о странных Наташиных вопросах и начала комментировать проходившие в зале дебаты. Но серьезная и обеспокоенная чем-то подруга положила руку мне на плечо.

— Хочешь со мной в воскресную школу?

— Хочу, — ответила я, хотя понятия не имела, что там будет, и не очень-то интересовалась.

В субботу после уроков мы отправились в воскресную школу при Иоанновском монастыре. Я жила прямо напротив него, поэтому родители меня и отпустили без всяких тревог. Правда, оба немало удивились такому порыву.

— Новое пробовать-узнавать хорошо, Маришка, — заключил папа, и больше эту тему в нашей семье не обсуждали.

Наташа предложила сесть за одну парту. Обе мы по рекомендации Наташиной мамы надели белые блузки, юбки ниже колен и покрыли головы легкими платками. Класс был полон детей разных возрастов, некоторые сидели с родителями. За несколькими столами можно было насчитать по три-четыре человека, подоконники также были заняты учениками. Это удивило меня, и я решила, что не так просто сюда приходит такое количество людей — значит, есть причины.

Батюшка не появлялся еще минут тридцать. Все, даже взрослые, ждать устали, но усиленно делали вид смиренный и понимающий занятость лектора.

— Как креститься — знаешь? — спросила Наташа.

— В целом да... — смущенно ответила я. — Но вот точно не помню, с какой стороны крест начинается.

Наташа с видом просветительницы начала показывать:

— Пальцы складывай вот так. Смотри на мою руку, Марина. Во-о-т, молодец. Дальше коснись этими тремя пальцами лба, теперь живота. Правое плечо. И левое. Умница.

Чрезвычайно довольная своей ученицей Наташа сияла. Вскоре пришел батюшка. У него были темная коричневая борода с проседью и такого же цвета волосы, убранные в хвост. Сухие губы еле проглядывались сквозь густые усы, щеки там, где не были покрыты растительностью, покраснели от мороза, а на лбу пролегли морщины, больше всего впечатавшиеся в кожу на переносице. На нем были черная ряса до пола и большой четырехконечный наперсный крест с позолотой.

— Там с обратной стороны написано: «Пресвитеру, дающему образ верным словом и житием», — шепотом сказала Наташа, когда я, не сдержав звучного вздоха, поразилась размерам распятия.

Лишь услышав тяжелые шаги по коридору (знакомые большинству присутствующих), все тут же встали. И как только священник появился в дверях, начали креститься, после чего — кланялись, кто почти до пола, кто, замирая, достигнув угла в девяносто градусов или даже меньше. Я косилась на подругу и повторяла за ней, позабыв от волнения, как правильно надо креститься. И хотя все вокруг делали то же самое, что и мы, мне было неловко, совестно и в чем-то неприятно. У меня не получалось понять — зачем весь класс крестится и делает поклоны. «Надо» и «принято» аргументами не являлись, а других Наташа не дала.

Дальше начался урок, где батюшка рассказывал о своей паломнической поездке в Иерусалим. По рядам передавали фотографии из этого путешествия, где я надеялась

увидеть Мертвое море и что-нибудь, наполненное духом Израиля. Но на снимках батюшка с другими священниками то бродил по пустыне, то с напускной серьезностью осматривал Стену Плача, то обедал с прихожанами местных церквей, то прикладывался к мощам в храме или молился у православных святынь. Стало скучно, и я заезвала, стараясь это делать незаметно для Наташи, которая почему-то увлеченно рассматривала снимки и слушала нудный рассказ.

Как же долго тянется время, думала я. Но казалось, этого больше никто не замечал. Ни один человек, кроме меня, впервые пришедшей в воскресную школу девочки, не обратил внимания и на то, что задержавшийся на полчаса урок длился дольше запланированных шестидесяти минут и закончился (со всеми изменениями) на целый час позже. Ближе к концу повествования об увлекательном путешествии батюшки я уже вовсю ерзала на стуле и нервничала, что родители меня хватятся. А еще очень хотела в туалет по малой нужде, но, как назло, никто не отпрашивался выйти, и мне было неловко проситься первой. А после того как Наташа, заметив мою неусидчивость, шикнула, я даже засомневалась, что здесь, в воскресной школе, вообще принято выходить посреди урока в туалет, перебивая своими физическими потребностями речь священника.

Наконец батюшка объявил:

— Вот и все, братья и сестры.

Я тут же вскочила и приготовилась стремглав бежать домой, не попрощавшись с подругой.

— Стой, — сказала Наташа. — Тут очередь!

— Какая очередь? — опешила я.

Человек пятьдесят детей и взрослых тянулись друг за другом, чтобы перед уходом подойти к священнику.

— А так можно уйти? — громким шепотом спросила я, уже нестерпимо хотевшая в туалет. — Мне от него ничего не нужно!

Наташа снова шикнула:

— Что ты такое говоришь! Нельзя уйти не причастившись. Видишь, там чаша с кагором — это кровь Христова, белая буханка — плоть его. И благословение батюшки после всего.

Пристыженная, я вспыхнула и осталась на месте, переминаясь с ноги на ногу, дожидаясь своей очереди. Сначала причастили Наташу. Я внимательно наблюдала за движением ее руки, чтобы повторить потом крест. А вслед за тем от испуга и удивления попыталась отпрянуть назад, но за спиной столпилось слишком много прихожан. Пока очередь до нас не дошла, я думала, что в конце все кланяются, как в самом начале урока, и мысленно готовилась к этому. Но когда наблюдала причастие своей новой подруги, то с ужасом и неприятием заметила, что Наташа поцеловала старую руку священника с большим перстнем.

Когда мы с батюшкой оказались лицом к лицу, он внимательно посмотрел на меня:

— Ты впервые к нам пришла?

— Да, — робко и сухо ответила я, понявшая, что деваться уже некуда, иначе меня посчитают плохой и обвинят в оскорблении чувств всех присутствующих, и только по этой причине я должна была оскорбить свои собственные.

Священник обмакнул кусочек батона в вино.

— Перекрестись.

С чувством стыда и плохо осознавая, что к чему, я выполнила команду. А потом приняла в рот и с трудом проглотила горькую с кислотой мокрую красную булку.

— Теперь крестись, — подсказал священник и потянул ко мне страшную, пухлую и старую руку с широким перстнем, на котором красовался тяжелый рубин.

Точно пребывая во сне и не веря в происходящее, я подносила троеперстие ко лбу, животу, правому и левому плечу. И все думала: может, убежать? Так не хотелось целовать эту руку, так было неясно: зачем? Медленно, как подневольная, я начала наклоняться, желая ограничиться этим. Но рука священника твердо хотела быть поцелованной. Несмотря на то, что я даже слегка отвернула голову в сторону, выполняя поклон, батюшка сам поднес к моему лицу запястье.

— Целуй.

И я, зажмурив глаза, повиновалась. Сомкнутыми губами я едва коснулась перстня и, не сдержавшись, скривила лицо. Потом, уже раскрасневшаяся, выпрямилась и кинулась наутек, стремглав пронесаясь мимо ожидавшей в дверях Наташи и даже ее не заметив. Запыхавшись от быстроты, я побежала домой умываться и миловаться с самыми близкими и любимым своими людьми — мамой и папой, которых больше никогда не хотелось вот так покидать ради чего-то нового.

— Так чего же ты пошла причащаться, если не хотела? — с улыбкой спросила мама. — Это не школа! Ни двойки, ни замечания не будет. И никто ничего не заставит делать, если ты сама против.

— Вы бы видели, как Наташа со мной говорила... А батюшка потом руку мне так и подсовывал! — оправдывалась я, тоже теперь задумываясь — почему это я так опешила.

— Ничего-ничего. Каждому свое. Зато опыт новый получила, будет что вспомнить, — подбадривая меня, заключил папа.

ТЫ ТОЛЬКО МАМЕ НЕ ГОВОРИ

В нашей семье школа считалась обязанностью детей. И ответственность тоже лежала на мне и сестре. За оценки родители никогда не ругали, но и ниже троек мы обе не опускались. Да и они были редкостью, их всегда старались исправить, переписав контрольную, ответив на уроке или попросив дополнительное задание. Папа и мама знали это и были спокойны, не заставляя нас нервничать и позволяя не быть отличницами и даже по некоторым предметам — хорошистками. Но мы все равно переживали, ведь это неприятно, когда оценка плохая. Ее и учителя озвучивают громко и строго, будто пригвозждают тебя к столбу позора. А потом в мгновение ока ты оказываешься для них беспросветной троечницей и лентяйкой, и твое имя прибавляется к числу действительных «лодырей», которым изо дня в день напоминают об их несоответствии нормам.

С пятого класса нас стали считать за взрослых, и мы в течение дня меняли этажи, кабинеты и учителей. Из расписания исчезли некоторые предметы, но их место заняли новые, более сложные. Математики тоже больше не было. Появились алгебра с геометрией, где мы с подругой Кати (с ударением на и) неизменно сидели вместе. Вычисления обеим давались непросто, и мы перебивались с троек на четверки. Ксения Матвеевна объясняла невнятно, родители тоже, а репетиторов возможности нанять не было. Так и учились. Иногда очень старались, часами просиживая над книгами с моим папой. Но порой забывая про нелюбимый и непонятный предмет совсем.

И вот теперь под конец первого года в средней школе я неожиданно получила двойку за контрольную по алгебре и замечание в дневнике: «Списывала...»

Работа оказалась сложной и со множеством заданий. Увидев большой лист А4, я ахнула. Было два варианта, но нам с Кати учительница случайно выдала один. Первой это заметила подруга, светлые глаза ее сверкнули, она замотала своим маленьким

носиком, чуть ли не тычась в положенные перед нами листы. «Вариант 2» — было указано на каждом. Мы переглянулись и смолчали, понимая, что если решать примеры вместе, то будет больше шансов написать работу хорошо.

Взглядами и жестами разделив задания, мы принялись за решение задач на черновиках. Если что-то не получалось, то можно было пододвинуть листок соседке, чтобы и она поразмышляла над примером. Таким образом мы написали контрольную и перенесли в специальные тетради совершенно одинаково, не представляя, как можно поступить иначе, ведь вариант и решения совпадали и никак не могли отличаться. Поступив так умно и правильно, мы оставались собой довольны до следующего урока алгебры.

Так как обе решали второй вариант, хотя мне полагался первый, «списавшей» назначили именно меня, а Кати поставили тройку, на которую мы честно написали работу. Я заметила, что подруге неловко и совестно передо мной. Обида, само собой, была, но на ситуацию, а вовсе не на подругу. И я сразу ее успокоила, пояснив это. Тогда Кати взглянула на меня уже иначе — с пониманием и сочувствием. Она знала, что значит — получить двойку. С ней это случилось еще в первой четверти пятого класса. Тогда, недооценив серьезность ситуации, она с легкостью сообщила своей матери про двойку по русскому языку, за что неожиданно схлопотала подзатыльник и добровольно-принудительное посещение дополнительных занятий по этому предмету до тех пор, пока она не просто исправит оценку, а в целом дотянет средний балл до четверки.

По совету Кати и после ее рассказа, опасаясь реакции родителей, я впервые решила скрыть от них оценку, которую от меня не ожидали. Утаить и самостоятельно исправить это недоразумение. А потом забыть. И никогда больше в такое положение не попадать.

— Ты только маме не говори, — прошептала я, доверительно глядя на сестру уже будучи дома.

Не поделиться со взъерошенной и усталой после школы Полиной я не могла. Мы всю жизнь делили одну комнату и, какими бы разными по характеру и возрасту ни были, всегда оставались близки и могли друг на друга положиться.

Она вздохнула и с высоты шестнадцатилетия заключила:

— Врать сложно.

— А я и не буду! — вскрикнула я. — Просто не расскажу, и все.

Сестра не сдавалась и склоняла меня признаться:

— А дневник? А собрания для родителей в школе? Табель, в конце концов. Тебя выпорют, это точно.

От всех этих слов я только больше занервничала. Теперь открытие правды представлялось еще страшнее прежнего, потому как туда входило и то, что я собиралась ее скрыть — солгать. Коленки затряслись, воображение ярко рисовало порку, которую раньше мы видели только в кино про рабство. Конечно, иногда мама припугивала нас ремнем, говоря, что если вопиюще плохое поведение и издевательство над матерью не прекратится, придет папа, достанет из штанов кожаный ремень, подаренный мамой, и покажет нам, где раки зимуют, почем сотня гребешков или кузькину мать. На этом, как правило, взбучка заканчивалась, и начинался разговор, где родители разъясняли плохое поведение и предлагали решить проблему мирно. Потом папа смеялся, ласково трепал провинившихся по голове и приговаривал: «Вот и задали феферу». И снова мы сидели всей семьей за кухонным столом с чаем, смотрели вечером фильмы, выбирались на выходные за город, дома каждый занимался тем, что нравилось, и всем было спокойно.

Я решила поменьше сталкиваться с родителями, пока не исправлю двойку, и моя ложь тем самым не превратится в правду или что-то не настолько страшное. И к при-

ходу родителей я резко легла спать, чтобы ни с кем не заговорить и не ухудшить свое положение. Но, волнуясь за меня, в комнату вошла мама и присела рядом.

— Чего вдруг так рано спать легла? — спросила она мягко. — А ужин? Ты хорошо себя чувствуешь?

Мама так низко нагнулась надо мной, что оказалась совсем близко. Я зажмурила глаза, чтобы не столкнуться с ней взглядом.

— Спать просто хочется очень.

— Хорошо. Но градусник я все же принесу, — ответила она спокойно и быстрым шагом пошла на кухню.

Температуры не было. Мои ответы также успокоили маму, и она отправилась разогревать ужин, оставив меня наедине с полученной двойкой, страхом и муками совести. А семья тем временем оживленно, но тише обычного (ведь я спала), усаживалась за стол.

— С ней все в порядке? — спросил папа у Полины.

— Я не в курсе. Почему я должна все про нее знать? — громко ответила сестра, чтобы мне было слышно из комнаты.

Утром я увидела в зеркале бледное лицо с зеленым отливом и светло-русые волосы в колтунах.

— Ты точно не заболела? — обеспокоенно спросила мама, тут же подскочив сзади и приложив запястье к моему лбу.

— Нет, просто не выспалась.

Это была правда. Всю ночь я ворочалась и порывалась пойти к родителям в спальню — сознаться и закончить свои мучения. Но неподходящее время и страх сковывали меня и не давали ни пойти признаться, ни уснуть.

— Ты же легла часов в семь вечера, — недоумеваю, произнесла мама.

И чуть погодя добавила:

— Точно все в порядке?

— Да. Так устала, что плохо спала, — солгала я и почувствовала себя еще хуже.

— Пойдем заплетаться! — звонко предложила она. — Ух, какие колтуны ночью наvertsела.

Я, боясь находиться рядом с матерью и чувствовать ее руки, запротестовала:

— Я сама!

И тут же испугалась. Это было громко и опрометчиво. Она могла раскусить меня. Обо всем догадаться, рассказать папе, и тогда мне бы прилетел уже не один подзатыльник, как сознавшей Кати, а намного больше.

Но мама продолжила собираться на работу и будто бы на меня вовсе не смотрела, а просто красила тонкие мягкие губы помадой оттенка «бледная роза». Потом слегка коснулась кисточкой с тушью коротких ресниц, обрамлявших красивые болотного цвета глаза. И, напевая что-то невнятное, начала заплетать косу из вьющихся золотистых волос, которые, я надеялась, у меня тоже когда-нибудь отрастут. Я, пока гребнем старалась расчесать колтуны на голове, представляла, как непременно буду, так же как мама сейчас, заплетать их перед зеркалом в пучок.

В школе я не могла ни на чем сосредоточиться, кроме двойки с замечанием и безнадёжности. Мне никак было не собраться с духом, чтобы подойти к Ксении Матвеевне, преподавателю алгебры и геометрии, записаться на утренние дополнительные занятия и узнать, как исправить оценку за контрольную. Голова шла кругом, мысли путались. Время тянулось, и одновременно с этим весь день будто мелькал перед глазами. Кати с опаской смотрела на меня, иногда неловко стараясь начать разговор.

Была большая перемена, а мы не пошли обедать и пришли в класс пораньше. Дверь в кабинет была открыта, учительницы биологии не видать, поэтому мы тихо вошли

и заняли свои обычные места. Настроения у меня совсем не было, и Кати старалась разрядить неприятную обстановку, что-то рассказывая и шутя.

— Может, волосы заплетем друг другу? — предложила подруга.

— Ага, — ответила я спустя, наверное, несколько минут и продолжила сидеть не двигаясь.

Прозвенел звонок. Подруга на меня надулась, но за другую парту пересаживаться не стала. Лариса Вольдемаровна что-то монотонно рассказывала. Не в силах сосредоточиться на предмете, я уснула. Учительница, поглощенная своим монологом, этого не заметила, благодаря чему я избежала еще одного замечания в дневнике. Под конец урока Ваня Мельников, мой сосед по парте в начальной школе, ткнул меня в плечо колпачком от ручки.

— Не спи, Комптова, — прошептал он.

Я огрызнулась назад:

— Нечаева я! А ты иди компот пей, Мельников.

Кати тут же обернулась и показала ему язык.

— Тебя не спрашивали, Сорнякова, — огрызнулся Ваня, выделив «о» в предпоследнем слог, хотя прекрасно знал, что фамилия у моей подруги — Сырникова.

Биология кончилась. Но мне казалось, что лучше бы продолжалась. Пускай уроки идут один за другим без перерыва, думала я. Заданий много дадут и на перемены везде задержат, чтобы только не остаться со своими мыслями. Главное — без контрольных и проверочных работ обойтись. Там свежая голова нужна, усидчивость. Не хватало еще одну двойку схлопотать.

Так прошел день в школе, и я поплелась домой. Там с трудом осилила домашку, а на балльные танцы, которыми занималась дважды в неделю, как и моя сестра четыре года назад, не пошла вовсе. Полина закатывала глаза и цокала, показывая так, насколько не согласна с моим выбором молчать и прогуливать танцы.

К приходу родителей я было снова пошла в кровать, сославшись на усталость и избегая смотреть им в глаза. Но папа позвал меня к себе в комнату под предлогом важного разговора. Я так и замерла, забыв, как дышать, на лбу выступил пот, мышцы перестали слушаться. Они знают. Только это и вертелось в голове.

— Маришка, идешь? — послышался веселый мамин голос из комнаты.

— Сейчас, — постаралась я так же звонко крикнуть в ответ, но звук сорвался, и я заскрипела.

Оба родителя сидели в креслах у торшера в своей спальне. Для меня же был приготовлен стул напротив. Лица их казались спокойными, усталыми, совсем незлыми, но обеспокоенными, и только мимика и выражение глаз их делали в этот момент похожими. Мамино женское лицо всегда источало нежность и какой-то романтизм, только глаза озорные выдавали ее нрав. А папино мужское — серьезное, с резкими чертами и странно мягким взглядом.

— Мы за тебя волнуемся, Марина, — начала мама. — Видим, что с тобой творится что-то неладное со вчерашнего дня.

Родители переглянулись, и мама продолжила:

— Мы очень волнуемся. Нам хочется, чтобы наши дети радовались жизни и доверяли нам. Мне и папе очень обидно, когда ты не хочешь делиться тем, что тебя гложет.

— Да, Маришка, — поддержал папа и положил руку мне на колено. — Мы всегда тебе поможем, ты только скажи, в чем дело.

Все трое замолчали. Я опустила взгляд себе на колени, прижав подбородок к груди.

— Тебя в школе обижают? — предположил папа.

— Нет, — я подняла глаза, в которых уже стояли слезы.

Мама тоже подвинулась поближе и взяла меня за руку.

— Ты можешь с нами поделиться? — аккуратно спросила она.

И тут же начала как бы оправдываться и успокаивать:

— Если не хочешь, я не заставляю. Но мы всегда рядом, ты же знаешь.

Я продолжала молча смотреть на родителей. Из глаз падали крупные слезы. Начать говорить было сложно. Во рту ощущалась горечь. И что-то мешало открыть рот и издать хоть какой-то звук.

— Ругаться мы не будем. Зря ты так думаешь, — заверил папа.

Я вжала голову в плечи, все равно опасаясь подзатыльника (их иногда отвешивала бабушка), и прошептала:

— У меня двойка за контрольную по алгебре.

Опять все замолчали. Но папа почти сразу затынул:

— Та-а-ак.

И тишина возобновилась.

— Исправить же можно?

Я покраснела и разрыдалась:

— Не знаю! Я так испугалась и расстроилась, что ничего не спрашивала... А еще у меня замечание в дневнике, будто я списывала! Но это не так. Мы с Катюшкой вместе решали! Ксения Матвеевна сама один вариант выдала.

Говорить было тяжело даже физически. Тело сотрясали слезы, меня волнами окутывал жар, сопли текли из носа и попадали в рот, а манжет для их вытирания оказалось недостаточно. Колени подпрыгивали, голос дрожал и срывался, руки не знали, куда деваться, глаза тоже. И вся эта история с двойкой и замечанием казалась концом света, которого избежать нельзя, исправить невозможно, и так все и закончится.

— Тише, — мама обняла меня, попросила папу сходить за валерьянкой и продолжила приговаривать: — Все же в порядке. Все целы, живы, здоровы. Да, доченька?

Дальше я и не помню, кто что делал и говорил, пока мне окончательно не удалось успокоиться.

— Хочешь, мы позвоним твоей классной руководительнице и спросим, что делать? — уточнила мама.

— Нет, Анют, — сказал папа. — Это средняя школа. Надо подойти к учительнице математики... Как ее зовут?

— Ксения Матвеевна.

— Сама подойдешь? Справишься? — уточнил папа.

— Да.

— Если что не так, сразу скажи, подойдем вместе. Хорошо? — добавила мама.

— Да, — робко ответила я, пока не понимая, будет ли наказание и какое.

— Что ж... — подытожил папа. — Нет почти ничего на этом свете, чего нельзя бы было исправить, тем более в двенадцать лет. Разве что кто-то умрет. Здесь уж ничего не поделаешь. Но горести все тоже непременно кончаются. Понимаешь, Маришка?

Я улыбнулась. И точно, подумалось мне, ведь теперь все всё знают, двойку всегда можно исправить и чего это я так распереживалась...

— Я ужин пошла готовить, — сказала мама и весело поскакала на кухню, будто это она в пятом классе училась.

— Вот и задали феферу, — улыбнулся папа и потрепал меня по голове.